

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

КОСТИНО
МЩЕНИЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Костино мщение

Аннотация

«Аккуратная бонна Ида прибирала детскую комнату и складывала игрушки, стараясь не стучать. Она знала, что, когда Костя сидит так, на полу, носом в угол, и черные, как чернила, волосы его топорщатся на затылке, – это значит, что он сердится. От малейшего стука он придет в неистовство и опять дело кончится дурно – Ида будет плакать, лежа на своей постели за ширмами, и не станет пить вечернего чаю. Ида была маленькая, худощавая немочка с коротким носом и розовыми пятнами на щеках. И она решительно не знала, для чего и для кого живет в этом доме и что из этого в конце концов выйдет...»

Содержание

I	4
II	6
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Зинаида Гиппиус

Костино мщение

I

Аккуратная бонна Ида прибирала детскую комнату и складывала игрушки, стараясь не стучать. Она знала, что, когда Костя сидит так, на полу, носом в угол, и черные, как чернила, волосы его топорщатся на затылке, – это значит, что он сердится. От малейшего стука он придет в неистовство и опять дело кончится дурно – Ида будет плакать, лежа на своей постели за ширмами, и не станет пить вечернего чая. Ида была маленькая, худощавая немочка с коротким носом и розовыми пятнами на щеках. И она решительно не знала, для чего и для кого живет в этом доме и что из этого в конце концов выйдет. Ее прислали из конторы большого города сюда, в этот дрянной уездный городишко, к господам Antipoff, и тут она и осталась. Детей, кроме Кости, не было, а Костя нуждался в ней весьма мало. Такой большой мальчик – девятый год – даже странно, что она спит с ним в одной комнате и водит его гулять. Учится Костя не много: у него есть старая учительница арифметики и закона Божия, но она часто пропускает уроки. Костя плохо пишет, зато он перечитал все романы, какие нашел в гостиной и мамином

будуаре. Ида так боится своего воспитанника, что не смеет даже говорить с ним, и все его приказания исполняет молча.

Костя был зол сегодня, как еще никогда не бывал. Он сидел на полу, протянув ноги к стене. В углу, куда он смотрел, было темно, едва светлели золотые разводы отставших коричневых обоев. На подоконнике единственного окна детской (оно было далеко от Костина угла) лежали последние лучи зимнего солнца, светло-желтые. Костя сидел согнувшись, сжав руки в кулаки и сдвинув брови. Он плакал только при больших и для больших, но один – почти никогда. Он знал, что ему восемь лет, и знал, что это очень много. Для мужчины в особенности. Женщины – те могут киснуть хоть до двенадцати лет. Им все можно.

Костя редко бывал в детской, он сидел в гостиной с гостями, слушал и смотрел молча и немножко презирал больших. Для их роста и возраста они не казались ему достаточно умными. А мама...

О, эта мама! Вспомнив ее, Костя стиснул зубы и мотнул головой в своем углу. Никогда еще никто не оскорблял его так, как она оскорбила сегодня. И при всех, при чужих, при своих офицерах, при папе... Папа тоже хорош: ничего не сказал, позволил в своем присутствии...

II

Дело было так.

К маме приехали из губернского города в гости три некрасивые барышни, ее кузины. Мама сейчас же принялась их «веселить», устраивала вечера, обеды, а сегодня затеяла пикник, – поездку на тройках за пятнадцать верст, к знакомым на хутор. Костя отлично видел, что маму все это веселит гораздо больше, чем кузин, которые сидели одни, когда маму окружали всякие офицеры, высокие и низкие, блондины и брюнеты. Костя знал даже причину, почему офицеры любили больше маму, чем кузин, – это оттого, что мама считалась хорошенькой и была при других веселой и доброй. Сам Костя, по совести, не мог решить, точно ли мама хорошенькая. Она была очень тонкая, очень высокая, с длинноватым лицом, белым, как молоко, черноволосая и черноглазая. Руки у нее были узкие и розовые, а губы, когда улыбались, кривились немного вбок, но это она делала нарочно, Костя не сомневался, потому что иногда видел, как она шепталась с Полей, своею горничною, и смеялась при этом совершенно прямо.

Папа служил, имел довольно важное место в городке и получал деньги, которые были нужны для того, чтобы нанимать большую, очень большую квартиру, давать обеды и вечера, на которых мама танцевала с офицерами. Папа был немнож-

ко седой, плотный и серьезный, и хотя мама говорила Поле и офицерам, что он добрый, однако, сама его боялась, – Костя это отлично видел.

Костя долго думал, отчего мама боится папы, – ведь она такая же большая, как и он? И только потом догадался, что ведь папа же дает маме деньги на офицеров, а если он рассердится, то может не дать денег, офицеры не придут танцевать, и маме будет скучно.

Костя ни капельки не любил ни папу, ни маму. Они до него ровно никакого отношения не имели, только разве что жили в одной квартире с ним. Костя даже знал, что у него есть собственные деньги, от бабушки, и что ни папа, ни мама не могут их взять, хотя бы и пожелали. Дел у Кости с ними общих никаких не было; часто по целым дням ему не приходилось слова сказать ни с мамой, ни с папой.

К папе он чувствовал даже некоторую враждебность, когда тот шел по зале молча и с холодным выражением лица. Костю это равнодушие смущало и злило. «Чего он? И что он воображает?» – думал Костя и все-таки не знал, что именно папа воображает. А маму он немножко презирал. Теперь, после сегодняшнего оскорбления, он ее ненавидел, совсем ненавидел... И как она смела?.. Как она только смела?

Когда стали собираться на пикник, с криком, с шумом, с суетой, Костя тоже стал собираться. Он ведь бывал на всех вечерах, на всех обедах у них в доме, как же ему не поехать на пикник? Он начал хлопотать, позвал Иду, велел принести

кафтанчик и башлык.

Одна из кузин заметила эти сборы.

– Неужели? – протянула она каким-то бесконечным, певучим голосом. – И ты, Костенька? Ты тоже с нами едешь?

Мама, которая в это время надевала перед зеркалом белую барашковую шапочку, обернулась.

– Костя? Нет, нет, ты не поедешь! Недоставало возни с ребятами! Ида, уведите его. Холодно, он простудится. Да и места нет.

Костя улыбнулся.

– Все равно, я сяду на козлы, – сказал он снисходительно. – Ида, подайте мои рукавицы.

Около мамы стоял высокий офицер с отвратительно-тонкими черными усами и такими белыми зубами, что, казалось, они могли светить и в темной комнате. Фамилия его была двойная: Далай-Лобачевский.

Услышав слова Кости, Далай-Лобачевский перегнулся как-то вперед и блеснул зубами.

– Однако, – сказал он, обращаясь к маме, – это весьма положительный и самостоятельный молодой человек.

Мама вспыхнула, но сдержалась.

– Костя, ты с ума сошел, – проговорила она тихо. – Я тебе сказала, что ты не поедешь. Ты еще рассуждать будешь? Отправляйся в детскую с няней и будь умником.

У Кости брови сдвинулись. Он подошел ближе к маме.

– Ты, пожалуйста, со мной так не разговаривай, – сказал

он с достоинством. – Это вздор, что на козлах нет места. Я хочу ехать на тройках, почему я не могу, если вы едете?

Все онемели или показали вид, что онемели. Папа смотрел в окно. Далай-Лобачевский выставил свои зубы. Наконец, мама сделала знак Иде.

– Сию минуту вон этого мальчишку! В угол его поставить! У меня расправа коротка; ты меня знаешь, я приеду – я тебя в чулан запру, я тебя высеку, – слышишь? – высеку!

Потом маме самой стыдно стало, что она так сердится при чужих. Она обернулась к гостям и сказала, улыбаясь чуть-чуть набок:

– Беда с мальчишками! С ними необходима строгость. Этот велик становится, скоро мы его отправляем в Москву, в частную гимназию. В пансионе их отлично воспитывают. Ну-с, едем, едем, господа!

И она сошла с лестницы, за нею двинулись все. Когда смеющийся Далай-Лобачевский проходил мимо Кости, то покачал головой и сказал вполголоса:

– Ай-ай-ай-ай! Надо слушаться мамаша, а не грубить. Костя не промолвил ни слова. Он прямо отправился в детскую. Ида, замирая от страха, поплелась за ним. Но Костя и не взглянул на нее, сел носом в угол и сидел так, сморщив лоб.

Он думал.

III

Хуже всего было то, что Костя понял теперь, что ему и самому следовало действовать иначе. Он ясно видел, что стоило только «сыграть мальчика» – и дело было бы в шляпе. Не догадался вовремя. Он давно заметил, что при больших очень хорошо бывает «играть мальчика». Они это любят, смеются и делаются добрыми и все готовы позволить.

Костя называл «играть мальчика» – говорить не то, что он сам думал, а что большие думали, будто он думает: нарочно говорить. Он помнил, как мама дала ему хорошую грушу и поцеловала его, а все смеялись и радовались, когда он раз при гостях сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.